

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Александра Филипповича Ильяшенко «Идеи мира и безопасности во внешней политике Александра I 1813-1825 годов», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Кандидатская диссертация А.Ф. Ильяшенко посвящена важной и актуальной теме – комплексной реконструкции концептуальных оснований, языкового выражения и религиозно-культурных репрезентаций идей мира и безопасности во внешнеполитическом дискурсе Российской империи 1813-1825 гг. Как справедливо отмечено автором во Введении диссертации, «в историографии тема Священного союза долгое время развивалась в... узких рамках, для которых были характерны полярные точки зрения. Идейное содержание внешнеполитической концепции Александра I после победы над Наполеоном, равно как и связанные с ней образы, до сих пор остаются малоизученными и несвободными от упрощений и научных клише. <...> Обращение к теме позволяет с помощью традиционных исторических методов и новых проблемных фокусировок реконструировать идеологическую систему российского императора и его дипломатов, выявить их понимание таких ключевых категорий, как "безопасность" и "мир", а также проанализировать примеры репрезентаций и внедрения этих идей в дипломатическую практику» (т. I, стр. 4-5).

В диссертации корректно определены научная проблема, объект и предмет исследования, а также хронологические рамки охвата собранного материала (1813-1825 гг.). Однако, что касается определения хронологических рамок диссертации, тут надо было высказаться конкретнее, может быть, даже в дискуссионном ключе, поскольку в тексте, при описании процесса выработки у Александра I его прорывной внешнеполитической

идеи (концепции Священного союза) сам автор называет разные периоды. Об этом будет сказано в моём отзыве, в разделе «Замечания».

Поставленная цель раскрывается в диссертации путём решения пяти исследовательских задач (т. I, стр. 6), которые, на мой взгляд, полностью отвечают заявленной цели исследования.

Качество исследования А.Ф. Ильяшенко определяется привлечением широкого круга источников (традиционных и нетрадиционных) и научной литературы отечественных и зарубежных авторов.

Источниковая база диссертации корректно разделена на шесть больших групп: 1) законодательные акты; 2) делопроизводственные материалы и дипломатическая переписка; 3) периодические издания, публицистика и литературные произведения; 4) источники личного происхождения; 5) визуальные источники и предметы материальной культуры; 6) составленный автором цифровой корпус (источник для лингвистического анализа), опубликованный в веб-среде с открытым режимом доступа. Такая обширная база, по оценке автора (т. I, стр. 32-33), отличается не только репрезентативностью, но и жанровым разнообразием, что позволяет ему высказать собственную точку зрения по заявленной проблеме.

В диссертации использовано большое количество научных трудов отечественных и иностранных (английских, американских, немецких и французских) исследователей разных периодов (А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича, С.М. Соловьёва, В.К. Надлера, Н.К. Шильдера, вел. кн. Николая Михайловича, А.Е. Преснякова, А.Н. Шебунина, А.Л. Нарочницкого, Е.В. Тарле, А.В. Фадеева, Л.А. Зака, В.Г. Сироткина, В.А. Фёдорова, В. Филипса, В. Нэфа, Ф. Бюхлера, В. Шварца, А. Дорлэнда, Ж.-А. Пиренна, М. Буркена, П.К. Гримстед, Ч.К. Вебстера, Г.А. Киссинджера, Ф. Лея, В.Я. Гросула, В.С. Парсамова, П. Шрёдера, Ф. Менгера, Й. Паулмана, А.Ю. Бахтуриной, А.Л. Зорина, А.Ю. Андреева и др.). Автор диссертации не просто перечисляет все эти труды, но внимательно

анализирует их и обоснованно отмечает: «Возрастающее количество работ, расширение подходов исследователей и анализируемых тем свидетельствуют об актуальности изучения Священного союза. Вместе с тем, в исторической науке не получил должного внимания ряд аспектов Священного союза и российской дипломатии этого периода, таких, как репрезентация Священного союза, язык российской дипломатии, образ врага и др.» (т. I, стр. 28).

Особый интерес вызывают сформулированные автором в 5-ти пунктах положения, выносимые на защиту. Все они отражают масштаб проделанной им работы и свидетельствуют о научной значимости его труда. На мой взгляд, самым ценным (и одновременно дискуссионным во многих аспектах) из них является положение № 5, в котором сказано: внешнеполитическая деятельность Александра I в эпоху Священного союза была подчинена задаче создания системы коллективной безопасности в Европе, основанной на христианских принципах. Установление вечного мира через братский союз христианских монархов воспринималось царём как геополитическая необходимость и личная религиозная обязанность. Ключевыми компонентами реализации этого замысла выступали: интеллектуальное окружение императора, обеспечившее формулирование концепции, образ врага, как системообразующий элемент политической теологии, язык дипломатии как смысловая система, адаптировавшая идеалистический замысел к потребностям практики, а также публичные богослужения и визуальные образы, закреплявшие в общественном сознании представления о союзе как о сакральном братстве, противостоявшем революционной угрозе (т. I, стр. 36-37).

Основная часть диссертации А.Ф. Ильяшенко состоит из 4-х глав, каждая из которых чётко структурирована и содержательно выверена. Следует также отметить, что диссертационное исследование носит многоплановый и многоаспектный характер. Его практическая значимость выражается в том, что достигнутые результаты могут быть использованы для

подготовки общих и специальных курсов по отечественной истории первой половины XIX в., истории внешней политики и дипломатии, интеллектуальной истории. Корпус делопроизводственных документов, подготовленный автором для электронного использования современными исследователями, может быть востребован на новом уровне изучения внешней политики России указанного хронологического периода.

Текст диссертации дополняют и конкретизируют самостоятельно составленные схемы и таблицы (т. I, стр. 147; т. II, стр. 16, 19-23, 25-30, 32, 36, 41, 42, 46-47, 53-54, 55, 58, 62-64, 65, 67, 70), «облачные» приложения (т. II, стр. 24), а также другие ценные приложения, в основном, иллюстративные материалы (№ I-II), помещённые в т. II на стр. 233-302.

По результатам знакомства с текстом кандидатской диссертации А.Ф. Ильяшенко полагаю, что это исследование, основанное на комплексном изучении концептуальных оснований идей мира и безопасности во внешнеполитическом дискурсе России 1813-1825 гг., во-первых, уточняет существующие в отечественной исторической науке представления об основах внешнеполитического курса России в последний период деятельности Александра I; во-вторых, вносит вклад в изучение особенностей политической коммуникации в Европе в данный период; в-третьих, с помощью предложенной автором методологии комплексного анализа внешнеполитического дискурса, позволяет вывести на новый уровень изучение идеологических аспектов внешней политики России и других европейских держав изучаемого периода.

Новизна исследования определяется также тем, что диссертация А.Ф. Ильяшенко является междисциплинарным исследованием, т.к. базируется на различных видах источников, в т.ч. визуальных материалах и произведениях материальной культуры, что требует от автора применения элементов культурологического, литературоведческого и искусствоведческого анализа.

Научные публикации А.Ф. Ильяшенко (4-е статьи общим объёмом 4,8 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки) в полной мере отражают все этапы работы над текстом диссертационного исследования.

В то же время, автору диссертации можно сделать следующие **замечания**:

1. В первом абзаце Введения сказано, что проект Священного союза был создан Александром I после Наполеоновских войн (т. I, стр. 4)¹. А при определении объекта и предмета исследования появляется другая информация: там сказано, что внешняя политика Российской империи будет изучена на протяжении 1813-1825 гг., в контексте зарождения и функционирования Священного союза (т. I, стр. 5)². При определении хронологических рамок работы есть ещё и третий вариант: зарождение и реализация идей Александра I о Священном союзе прослеживается, начиная с заграничных походов 1813-1814 гг., и вплоть до его смерти в 1825 г. На с. 21 (т. I), анализируя работу современного немецкого историка Ф. Менгера «Священный союз» (Штутгарт, 2011), автор даёт сноску № 57, где сказано следующее: основные черты новой внешнеполитической концепции Александра I были сформулированы ещё в начальный период его правления и получили отражение (неясно, в каком документе?) во время поездки Новосильцева (неясно, кто это?) в Лондон в 1804 г. Тут непонятно, чья это информация – автора диссертации или Менгера?³ Но возникает вопрос – когда же в сознании императора зародилась идея нового мирового порядка и когда именно она трансформировалась в концепцию Священного союза?

¹ Период 1815-1816 гг. как этап становления системы дипломатического языка Священного союза упоминается в Заключение диссертации (т. II, стр. 191-192).

² Дата 1813 г., как момент зарождения идей, составивших «...концептуальную основу послевоенного внешнеполитического проекта Александра I», упоминается в т. II на стр. 121, 158, 193.

³ То, что эта информация исходит от автора диссертации, доказывает текст сноски № 608 в т. I на стр. 199.

2. Целью работы не может являться «всесторонний анализ» какой-либо проблемы (т. I, стр. 6). Это не цель работы, а обязанность её автора.

3. С самого начала главы I видно, что проблема определения исходной точки появления идеи нового мирового порядка в сознании императора становится неразрешимой для автора. Здесь он ссылается на работу В.К. Надлера с разной периодизацией (т. I, стр. 38), никак не высказывая своего мнения. Но тут снова появляется тезис о том, что исходный пункт идеи надо искать в инструкции молодого императора Н.И. (так!) Новосильцеву, отправленному в 1804 г. для переговоров с премьер-министром У. Питтом Младшим в Лондон. Отрывочные цитаты из инструкции Новосильцеву не позволяют понять её суть. А этому документу, надо было посвятить больше места, в соответствии с его важностью для определения исходных пунктов внешнеполитической концепции Александра I и по вниманию к нему в научной литературе⁴. Тут же сказано, что миротворческий проект был сформулирован кн. А.А. Чарторыйским, который стал главой Министерства иностранных дел. Чарторыйский был в 1802-1804 гг. заместителем (товарищем) министра иностранных дел гр. А.Р. Воронцова. А в 1804-1806 гг. – управляющим МИДом без назначения министром. Но это фактическая ошибка. Более значительная ошибка – не посвятить идеям и деятельности Чарторыйского отдельный параграф главы I. Документальной основой такого исследования должны были стать мемуары Чарторыйского (Чарторижского), много раз публиковавшиеся на разных языках⁵.

4. В диссертации ничего не сказано о политическом наполнении концепции Священного союза относительно внутренней политики (доктрина легитимизма)⁶ в каждом из государств-участников и в патронируемых ими

⁴ Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798-1807) / Отв. ред. С.А. Фейгина. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 341-343, 352, 358-365.

⁵ См., например: Чарторижский А. Мемуары. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 304 с. (Серия: Тайны истории в романах, повестях и документах. Век XVIII-XIX).

⁶ Термин «легитимизм» упоминается автором в т. I, на стр. 107 и 125, но в негативном ключе и в связке с терминами «реакция» и «консерватизм». В современной российской историографии эта концепция оценивается не так однозначно.

малых странах. Только на стр. 102 (т. I), в параграфе, посвящённом взаимодействию Александра I и гр. И.А. Каподистрии, есть одно предложение об этом. «Они оба разделяли идеи просвещённого гуманизма и христианской морали, считая полезными октроированные конституции и введение норм религиозной этики в отношения между странами и между монархами и подданными». Но об этом надо было сказать подробнее не только применительно к политике России, но и Пруссии и Австрии. Определение немецким учёным К. Шмиттом принципа легитимности в его концепции политической теологии, о чём автор пишет в т. I на стр. 155, имеет принципиально другой смысл.

5. Если бы доктрине легитимизма в диссертации было бы посвящено больше места, тогда на вопрос о том, почему «...русский царь не смог разрешить экзистенциональное (так в тексте. – А.О.)⁷ противоречие в своём понимании мира при столкновении с проблемой греческого восстания» (т. I, стр. 154), был бы дан логичный, соответствующий реальной политической ситуации и учитывающий идеи императора ответ. Автор в общих словах упоминает об этой доктрине в т. I на стр. 170-171, но это слишком краткое и отрывочное упоминание. Попытка объяснить отказ Александра I от помощи грекам в связи с письмом к нему кн. А.К. Ипсиланти в 1821 г. несовпадением религиозной фразеологии последнего с идеями императора (т. I, стр. 185-189), представляется неубедительной. У Александра I были более серьёзные основания для отказа в помощи восставшим грекам.

6. Всё это привело к тому, что при формулировании завершающего вывода о способах воздействия Священного союза на внутреннюю и внешнюю политику европейских стран, автор ограничился кратким упоминанием о намерении Александра I создать в Европе систему коллективной безопасности, в основе которой лежал принцип братства монархов. Раскрывая содержание этого принципа, он упоминает

⁷ Неверное употребление термина «экзистенциальный» повторяется в т. I на стр. 163.

первоначальную надежду Александра I на невоенное коллективное воздействие на страну-нарушителя общего спокойствия, а, после отказа от этих планов, использование коллективных вооружённых сил участников союза для подавления революций, после чего армия вторжения должна превращаться в оккупационную армию, временно остающуюся на беспокойной территории для обеспечения там мира и порядка. Завершается резюмирующая часть следующим предложением: «Миротворческие устремления царя сочетались с его готовностью активно использовать сильнейшую в Европе российскую армию для поддержания европейского спокойствия» (т. I, стр. 225). Что это, как не перефразированное утверждение о России как «жандарме Европы»? И как другие страны могли доверять императору, готовому в любую минуту использовать вооружённую силу для вмешательства в их внутренние дела? Избежать такого политизированного (и много раз опровергнутого) вывода можно было с помощью показа истинного смысла доктрины легитимизма, а этого в работе сделано не было. К тому же, во втором томе диссертации встречается прямо противоположное утверждение: четыре (с 1818 г. – пять) великих держав «...являлись реальными кормчими мировой политики. В то же время, этот союз сконцентрировал и наиболее мощную военную силу, которая должна была гарантировать мир» (т. II, стр. 38). Понятно, что Россия должна была предложить Европе нечто большее, чем «помощь» своей армии, чтобы создать систему коллективной безопасности. Заключение диссертации (т. II, стр. 189-193) эту мысль не проясняет и не конкретизирует. Более того, в нём содержится намёк на неискренность Александра I: «Стремление к снижению международной напряжённости... соседствовало с яркой риторикой (!) царя о возможностях и роли российской армии...» (стр. 191).

7. Говоря о деятельности Ф. фон Генца (это был не только австрийский дипломат, но и выдающийся политический философ, развивавший и критиковавший положения философии И. Канта, автор

заключительного Акта Венского конгресса), следовало сказать о его идеях справедливого мирового порядка, получивших отражение в знаменитом трактате «О вечном мире» (1800 г.), т.е. тогда, когда наследник российского престола, вел. кн. Александр Павлович в сотрудничестве с «молодыми друзьями» только ещё формулировал положения своей концепции. В этом случае в тексте диссертации не появилась бы фраза о том, что Генц, «...глядя на российского монарха, твёрдо верил в прямое влияние Бога на происходящие события» (т. I, стр. 180-181).

8. Текст диссертации очень плохо вычитан. В нём большое количество грамматических и стилистических ошибок. Например, название немецкой реки Неккар (приток Рейна) [т. I, стр. 69] превратилось в фамилию суперинтенданта финансов короля Людовика XVI – швейцарского банкира Неккера (т. I, стр. 74). Перепутаны инициалы многих действующих лиц: об Н.И. Новосильцеве уже было сказано выше, есть в тексте и такие фантомы, как А.И. Каподистрия (т. I, стр. 147, в схеме), гр. П.Х. Ливен (т. I, стр. 156, сноска № 470), М.И. Барклай де Толли (т. II, стр. 78, сноска № 724; стр. 154)⁸. Эти примеры можно продолжать.

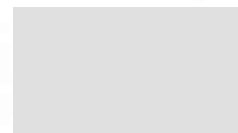
Тем не менее, все указанные недостатки не меняют общего положительного впечатления о данной кандидатской диссертации. В связи с вышеизложенным, полагаю, что кандидатская диссертация А.Ф. Ильяшенко «Идеи мира и безопасности во внешней политике Александра I 1813-1825 годов» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о

⁸ На стр. 132 т. II диссертации инициалы прославленного русского полководца М.Б. Барклая де Толли указаны правильно.

присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Ильяшенко Александр Филиппович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры новой и
новейшей истории стран Европы и Америки
Института истории и политики МПГУ

А.А. Орлов
05.05.2026 г.

Контактные данные:

Рабочий тел.: +7-926-355-69-76, e-mail: aa.orlov@mpgu.su

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.03 – Всеобщая история

Адрес места работы: 119435, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет».

Тел.: +7-926-355-69-76, e-mail: aa.orlov@mpgu.su

Подпись А.А. Орлова заверяю:

